

МИХАИЛ ГАСПАРОВ

ОЧЕРК ИСТОРИИ РУССКОГО СТИХА

Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика

ФТМ

УДК 801.6
ББК 83.3(2Рос-Рус)
Г22

Гаспаров, М.

Г22 Очерк истории русского стиха : Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика / Михаил Гаспаров. — М. : ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2025. — 351 с. — (Серия «Литература и искусство»).

ISBN 978-5-4467-3702-4

Книга «Очерк истории русского стиха» представляет собой первую в научной литературе работу, прослеживающую развитие русского стихосложения от древнейших времен до наших дней. Шесть разделов книги посвящены шести периодам истории, а дополнение «Русский стих как зеркало постсоветской эпохи» можно считать седьмым разделом. Работа охватывает и систематизирует огромное количество фактов, в значительной части выявляемых и вводимых в научный оборот впервые. В приложении приводятся необходимые статистические данные. Несомненно, этот памятник филологической научной мысли остается актуальным и по сей день не только для специалистов, но и для всех, кто интересуется теорией стиха.

УДК 801.6
ББК 83.3(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-4467-3702-4

© Гаспаров М. Л., наследники, 2025
© Оформление.
ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2025

Предисловие к первому изданию

Изучение всякого предмета предполагает два подхода к нему: теоретический и исторический. Русский стих не раз был предметом теоретических исследований, многие из которых стали классическими. Но предметом связного исторического обзора он не был ни разу. Ближе всего подходит к этой цели известная монография Л. И. Тимофеева «Очерки теории и истории русского стиха» (1958), но она ограничивается лишь узловыми проблемами и останавливает изложение на пушкинской эпохе. Более частные исследования накопили большой и интересный материал, но он до сих пор не подвергался обобщающему осмыслению, которого настоятельно требует и без которого много теряет.

Стихотворная форма произведения во всех своих специфических особенностях (метр, ритм, рифма, строфа) теснейшим образом связана с его содержанием. Но связь эта — не органическая, а историческая. Каждому писателю и каждому читателю знакомо чувство, что такой-то размер или строфа для данного стихотворения «подходит» или «не подходит». Но это бывает не потому, что эта форма «неестественна», а потому, что она «непривычна»: слишком редко употреблялась в данном жанре или в данной теме и слишком часто употреблялась в других, непохожих. Неверно считать, что все особенности стихотворной формы обусловлены содержанием каждого отдельного стихотворения и ничем иным. Если бы ямб «Руслана и Людмилы» был

изобретен Пушкиным специально для этой поэмы, тогда бы мы могли прямо выводить особенности этого ямба из особенностей ее содержания. Но ямб, с которым имел дело Пушкин, сложился задолго до того, на другом материале и с другими установками; многие его особенности были для «Руслана» безразличны, многие другие были важны именно в силу связанных с ними содержательных ассоциаций, — ни в том, ни в другом случае эти особенности не могут быть выведены из содержания поэмы. Мало того, если мы, читая «Руслана», не будем учитывать эти содержательные ассоциации ее стихотворной формы, наше представление о самом содержании поэмы уже будет в чем-то неполным и неверным.

Как складывались такие содержательные ассоциации — это и прослеживает история стиха. Складывание это — постепенное, напластовывающиеся смысловые связи каждой стихотворной формы — многозначные и разносторонние. Проследивая их, мы всегда в конечном счете восходим к самым первым шагам русской письменной поэзии, и дальше — к ее народным и западноевропейским образцам, и дальше — к античным и доантичным образцам этих образцов. История русского стиха есть часть большой истории европейского и индоевропейского стиха, на которую приходилось оглядываться в очень многих местах этой книги. Эта книга — очерк истории русского стиха, а не истории русской поэзии. Здесь описывается создание арсенала поэтических средств, а не те войны, которые велись оружием из этого арсенала. Рядом с большими поэтами здесь приходится упоминать и множество небольших — тех, которые тоже внесли свой вклад в совершенствование или испытание этих стихотворных средств. Рядом с характеристикой общеупотребительных стихотворных форм каждой эпохи приходится говорить более подробно о формах новых и редких: это как бы передний край стихотворческих исканий, всегда важных для будущего. Многие из таких находок старых и новых поэтов так и остались экспериментами, но это не уменьшает их интереса: опыт вчерашнего дня всегда может пригодиться завтрашнему.

Огромный объем материала и малый объем книги требовали крайней сжатости изложения. Приходилось держаться стиля энциклопедической статьи: только свод достигнутых наукою результатов, без дискуссий и даже без ссылок. Лишь в приложение вынесены,

во-первых, статистические данные (только самые общие), на которые опираются наши утверждения, и, во-вторых, краткий обзор научной литературы (далеко не полный), на которую мы должны были бы по многу раз ссылаться. Одни разделы стиховедения были изучены прежними исследователями очень хорошо, другие — недостаточно; одни положения опираются на массовое обследование материала, другие — лишь на выборочные наблюдения; в очень многих случаях предварительную разработку материала приходилось делать нам самим. Результаты ее отчасти вошли в нашу книгу «Современный русский стих» (М., Наука, 1974; там же определения основных стиховедческих понятий, которыми мы и пользуемся) и в отдельные статьи, собранные в книге: *Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 3. О стихе.* М., 1997. Как известно, многие теоретические проблемы русского стихосложения еще вызывают споры; мы старались, чтобы на отборе и освещении представленных здесь исторических фактов это отразилось как можно меньше.

Планом этой книги автор во многом обязан советам покойного академика В. М. Жирмунского; текст книги обсуждался на заседаниях Отдела комплексных теоретических проблем ИМЛИ им. А. М. Горького и в беседах со многими коллегами-стиховедами, особенно с В. Е. Холщевниковым, К. Д. Вишневским и С. И. Гиндиным. Всем им, а также первому редактору этой книги, покойному Л. И. Тимофееву, автор обязан глубочайшей благодарностью.

Предисловие ко второму изданию

Эта книга писалась в основном в 1980–1982 годы и была впервые напечатана в 1984 году. Это были не лучшие годы для русской филологии: вместо «у Ходасевича...» или «у З. Гиппиус...» приходилось писать: «у одного поэта...». Из эмигрантской поэзии были доступны, конечно, лучшие образцы, но не было возможностей для такой сквозной проработки малых и больших стихотворцев, к какой мы стремились на всем протяжении этой книги. Из непечатавшейся советской поэзии (подпольный самиздат) можно было знакомиться с отдельными произведениями, но насколько они характерны для картины стиха в целом, невозможно было судить. Поэтому последняя глава книги «Советское время» (1925–1980) твердо ограничивалась материалом печатной, официальной стихотворной продукции.

Такой она осталась и в предлагаемом переиздании. Прошедшие 20 лет выбросили в читательский и научный оборот огромное количество непечатавшихся или ранее труднодоступных стихов за несколько десятилетий, а та поэзия советского истеблишмента, которая перед этим только и существовала для широкой читательской публики, теперь считается как бы пустым местом. Но отделять хорошие стихи от плохих — это не дело науки; а отделять более исторически значимые от менее значимых и устанавливать сложные связи между ними — для этого еще «не настала история», как выражался К. Прут-

ков. В каждой исторической эпохе сосуществуют пережитки прошлого и зачатки будущего; разделить их с уверенностью можно только глядя из будущего. Я на это не решаюсь — мне больше по плечу роль того мертвого, которому предоставлено хоронить своих мертвецов. Пусть это расчистит поле для работы будущих стиховедов. Лишь в качестве пробы такой будущей работы в конце книги помещено «дополнение» — попытка картины состояния постсоветского стиха на срезе 1998 года.

М. Л. Гаспаров

Вместо введения

Основные этапы истории европейского стиха

Стих есть речь, в которой, кроме общеязыкового членения на предложения, части предложений, группы предложений и прочего, присутствует еще и другое членение — на соизмеримые отрезки, каждый из которых тоже называется «стихом». Границы этих отрезков общеобязательно заданы для всех читателей (слушателей) внеязыковыми средствами: в письменной поэзии — обычно графикой (разбивкой на строки), в устной — обычно напевом или близкой к напеву единообразной интонацией. При восприятии текста сознание учитывает объем отрезков и предчувствует их границы; подтверждение или неподтверждение этого предчувствия ощущается как художественный эффект.

Объем отрезков стихотворного текста может учитываться простейшим образом, или по числу слогов (силлабическое стихосложение), или по числу слов (тоническое стихосложение). В чистом виде они выступают сравнительно редко. Так как охватить сознанием сразу длинный ряд слогов трудно, то обычно длинные стихи (свыше 8 слогов) в силлабическом стихосложении разных языков разделялись на полустихи обязательными словоразделами — цезурами. А чтобы вернее предчувствовать границу стиха или полустиха, концы этих отрезков часто получали дополнительную урегулированность. Главным сигнальным местом была предпоследняя позиция: она становилась или сильным местом («женское окончание»)